

DOI 10.33920/nik-01-2411-02

УДК 82-32

Мотивы поиска и обретения дома в прозе И.С. Шмелева и В.Н. Лялина

The motives of searching and finding a home in the prose of I.S. Shmelev and V.N. Lyalin

© **Леонов Иван Сергеевич,**

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-7435-3963

Leonov I.S.,Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature, Deputy Dean
of the Philological Faculty of the A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language,
employee of the F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Статья поступила 15.10.2024.

В статье на материале рассказов «Христова Всенощная» И.С. Шмелева и «Рождество Христово на разъезде 809» В.Н. Лялина рассматриваются роль и специфика мотивного комплекса «поиск/обретение дома». На основе проведенного исследования выявлено, что данные образы у обоих авторов воспринимаются в контексте теоцентричной, точнее, христоцентричной картины мира. Образ дома раскрывается в парадигме «Отечество земное — Отечество Небесное». В обоих произведениях возникает амбивалентный образ «дом при дороге», который является пограничным с точки зрения социальных, исторических и духовных параметров и сочетает в себе как признаки обездоленности и бездомности, так и черты временного пристанища, приюта, походного храма. Подлинное обретение дома становится возможным благодаря обращению к евангельскому и православно-литургическому контекстам, в рамках которых данный образ наполняется сакрально-религиозным содержанием и обретает черты истинного дома как в социально-историческом, так и в духовно-метафизическом плане. Важную роль в обоих произведениях играют мотивы одиночества, бесприютности, сиротства, а также противопоставленные им мотивы молитвы, покаяния, богослужения. Литургический контекст акцентирует внимание на кардинальных содержательных векторах обоих произведений в аспекте «дом — Небесное Отечество». Очевидно, что установка И.С. Шмелева и В.Н. Лялина на христоцентризм позволяет говорить о соотношении понятия «дом» с идеей встречи и соединения человека со Христом, что происходит через сакрально-богослужебный (литургический) хронотоп. Важную роль в поэтике обоих произведений играет мотив света и тени. Образ света рассматривается как художественный феномен, объединяющий категории земного и Небесного.

Ключевые слова: образ дома, мотив поиска и обретения дома, творчество И.С. Шмелева, современная православная проза, творчество В.Н. Лялина.

The article examines the role and specificity of the motivational complex search/finding a home based on the stories "Christ's Vigil" by I.S. Shmelev and "Christmas at the 809 junction" by V.N. Lyalin. Based on the conducted research, it was revealed that these images are perceived by both authors in the context of a theocentric, more precisely, a christocentric

picture of the world. The image of the house is perceived in the paradigm of the earthly Fatherland — the Heavenly Fatherland. In both works, an ambivalent image of a house by the road arises, which is borderline in terms of social, historical and spiritual parameters and combines both signs of destitution and homelessness, as well as features of a temporary shelter, an asylum, a marching temple. The true finding of a home becomes possible through an appeal to the evangelical and Orthodox liturgical contexts, within which this image is filled with sacred and religious content and acquires the features of a true home both in socio-historical and spiritual-metaphysical terms. An important role in both works is played by the motives of loneliness, homelessness, orphanhood, as well as the motives of prayer, repentance, and worship opposed to them. The liturgical context focuses on the cardinal content vectors of both works in the aspect of home — Heavenly Fatherland. It is obvious that the setting of I.S. Shmelev and V.N. Lyalin on christocentrism allows us to talk about the correlation of the concept of “home” with the idea of meeting and connecting a person with Christ, which occurs through the sacred liturgical (divine service) chronotope. The motif of light and shadow plays an important role in the poetics of both works. The image of light is considered as an artistic phenomenon combining the categories of earthly and Heavenly.

Key words: the image of the house, the motive of searching and finding a home, the work of I.S. Shmelev, modern Orthodox prose, the work of V.N. Lyalin.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Мотивы поиска и обретения дома являются ключевыми в творчестве И.С. Шмелева и писателя рубежа XX–XXI вв. В.Н. Лялина (1928–2010). Очевидно, важную роль для обоих авторов играет биографический аспект: эмигрантская жизнь И.С. Шмелева, его тоска по Родине, безусловно, находят отражение в произведениях автора. Судьба В.Н. Лялина была связана с многочисленными переездами по России, а следовательно, и попыткой обрести дом.

В последние десятилетия отмечается значительный интерес отечественного литературоведения к личности и творчеству И.С. Шмелева. Появилось большое количество научных трудов, цель которых — расширить и систематизировать представления о художественном мире писателя, идейно-тематических и художественных аспектах его произведений, выявить влияние исторических и культурных факторов на творческое сознание художника. Значительным событием в современном шмелевоведении стал выход первого тома антологии «И.С. Шмелев: pro et contra» [1], в котором представлены отечественные и зарубежные критические работы, вышедшие при жизни автора.

Также об интересе современной литературоведческой науки к творчеству И.С. Шмелева свидетельствует монографическая работа Е.А. Коршуновой «И.С. Шмелев и его время» [2], в которой исследуется проблема «московского текста», а также проблемы интертекстуальности и интермедальности в творчестве писателя. Кроме того, проблема творческого диалога с В.А. Никифоровым-Волгиным в контексте воссоздания «дачного» хронотопа нашла отражение в труде Е.А. Осьминой [3]. По мысли исследователя, образ дачи тесным образом связан с темой вечной тоски по ушедшим людям и идеей временности человеческого существования: «Итак, свойство временности, которое изначально сопровождает образ дачи в русской литературе, писатели эмиграции усиливают до непрочности, зыбкости, сначала оставленности, потом заброшенности и, наконец, разорения. Оно связано сначала с конкретной дачной местностью, потом обобщается до всей русской жизни и наконец — до временности человеческой

жизни вообще» [3, с. 254]. Очевидно, что обращение к московскому и дачному текстам в творчестве И.С. Шмелева рассматривается учеными в контексте мотивов утраты и обретения дома как в социальном, так и в метафизическом аспекте.

В настоящее время нет монографического исследования, посвященного поэтике В.Н. Лялина. В то же время его произведения рассматриваются в контексте современной православной (в ряде определений — духовной, теоцентричной) прозы. Размышляя о данном литературном феномене, С.С. Бойко отмечает: «Теоцентричная проза запечатлела ту же картину мира, то же представление о пространстве и времени, истории и вечности, которое отмечают в древнерусской литературе» [4, с. 24]. По мнению ученого, в рассматриваемых книгах образ человека тесно связан с представлениями о бессмертии, а само мироздание поляризовано в категориях абсолютной благодати и абсолютного зла.

Центральной темой творчества В.Н. Лялина становится тема внутренней эволюции и преображения человека, постепенный и непростой переход его от неверия к вере, примирению и соединению с Богом. Кроме того, писатель обращается к проблеме подвига сохранения и приумножения веры: «...еще одной темой православной литературы, в частности прозы, является тема исповеднического подвига христианина, который совершается им на протяжении многих лет, как в годы войн и гонений, так и в мирное время» [5, с. 79]. Данный вывод делается на основе анализа произведений «Странник», «Рождество Христово на разъезде 809», «Скорби и радости отца Власия», «Святой остаток».

Очевидно, что И.С. Шмелева и В.Н. Лялина сближает глубокая христианская вера, восприятие мира и человека в контексте православной картины мира. Религиозный фактор способствует особому характеру отражения образов дома (как и бездомного пространства) в творчестве обоих авторов. Для них дом — это не просто физический локус или социальное явление, а пространство духовного порядка, место особого присутствия Бога. Пример тому можно обнаружить в произведении И.С. Шмелева «Рассказ доктора». Речь идет об эпизоде, в котором врач Николай Васильевич вспоминает дом сельского лекаря деда Антона: «...И на каждом слове у деда был Господь. И Никешка так смотрел на него и его травы, что, казалось, думал, что и в избушке деда сам Господь. Да, в глазах старика было так много тихого света и доброты, что, казалось, в нем пребывает Господь» [6, с. 71].

И.А. Есаулов отмечает установку И.С. Шмелева на христоцентризм и пасхальность. Ученый отмечает, что используемое в финале произведения «Лето Господне» местоимение «мы» задает «...особый — пасхальный — “горизонт ожидания” его читателю...» [7, с. 20].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования связана с комплексным изучением мотивов потери и обретения дома в творчестве И.С. Шмелева и В.Н. Лялина с учетом христоцентричного мировоззрения обоих авторов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проводится в сравнительно-сопоставительном ключе на материале рассказов И.С. Шмелева «Христова Всенощная» и В.Н. Лялина

«Рождество Христово на разъезде 809». В работе используются биографический, историко-культурный, сравнительно-типологический методы, а также анализ поэтики литературно-художественных текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Образ дома в творчестве обоих авторов понимается в контексте теоцентричной, а точнее, христоцентричной картины мира, где особая роль принадлежит мировоззренческой парадигме *«Отечество земное — Отечество Небесное»*. В данном контексте мы опираемся на исследование Т.И. Радомской, которая отмечает, что на формирование пространственной структуры дома оказывает влияние парадигма *«семья, род — христианский народ — Отечество Небесное»*: «В древнерусской жизни Дом мыслился неразрывно связанным с Отечеством земным, восходящим к Отечеству Небесному, о чем свидетельствуют многочисленные тексты книжной традиции» [8, с. 41].

Рассказ И.С. Шмелева «Христова Всенощная» был написан в 1927–1928 гг. и основан на впечатлении от посещения детского приюта, в котором знаменитый квартет Н.Н. Кедрова принимал участие в служении Всенощного бдения. Первое, что обращает на себя внимание, — упоминание в заглавии Христа. Всенощная названа Христовой, что позволяет говорить о христоцентричности пространства всего произведения.

В рассказе актуализируется мотив потери и обретения дома, шире — Отечества, который рассматривается в двух проекциях: земном и сакральном. Также выявляются два вектора категории «бесприютность»: социальный, который кажется непреодолимым в современных рассказчику исторических условиях, и духовный, выход за пределы которого становится возможным в богослужбном времени и пространстве.

В начале произведения упоминается об испытаниях рассказчика, пытающегося отыскать общежитие мальчиков, в котором должна служить Всенощная. Автор изображает сложный путь в Шавиль, который может быть рассмотрен не только с точки зрения рядового путешествия из одного города в другой, но и в контексте представлений о преодолении границы дольного и горнего. Путь для рассказчика сопряжен с испытанием: на первый план здесь выходит мотив «блуждания во тьме»: «Был черный-черный осенний вечер, с дождем; осеннее здесь всю зиму. Поезд шел из Севра, по высоте. В черных долинах, в редких и смутных огоньках невидных поселений, бежали золотые ниточки поездов и масла. Я глядел через окошко. Какая тьма!» [6, с. 40–41]. Обращает внимание в данном эпизоде работа автора с пространственными характеристиками «верх — низ», а также параметрами «свет — тьма», подчеркивающими единство физического и метафизического аспектов проблематики произведения.

Мотив темноты в рассказе соединен с мотивами одиночества, бесприютности, духовного сиротства. Пейзажные зарисовки, сочетающие краски поздней осени и вечернего сумрака, передают мрачное настроение рассказчика, оставившего Родину и ожидающего встречи с детьми русских эмигрантов.

Образ общежития в Шавиле раскрывается в амбивалентном ключе. С одной стороны, это часть бесприютного мира, в котором вынуждены находиться утратившие дом дети русских эмигрантов, с другой — пространство, способное дать

его обитателям хоть и весьма зыбкое и условное, но представление о приюте; оно защищает детей от враждебного внешнего мира, наполненного темнотой и холодом как в физическом, так и в духовном плане. Подобный контраст подчеркивается также с помощью световой символики. «Вот и Мюльсо, и дом. Контуры его в темноте широки. Многие комнаты светятся на этажах» [6, с. 43].

В произведении И.С. Шмелева возникает сложный феномен — дом при дороге, в образе которого сочетаются черты, с одной стороны, временности, бесприютности, сиротства, с другой — убежища, пристанища, защиты от враждебного внешнего мира, в изображении которого доминируют темные, мрачные краски. Следует обратить внимание на тот факт, что в произведении богослужебный локус соотносится не с храмовым зданием, а с небольшой комнатой детского приюта, а на более глубоком уровне — с образом походного храма, способного вызвать у читателя ассоциации с периодами тяжелых военных испытаний: «Вот она, русская походная молельня, храм бедных, — во французском доме при дороге» [6, с. 43]. Именно в этом пространстве, с точки зрения автора-христианина, происходит встреча Христа с людьми, которые остро ощущают связь с оставленной когда-то Россией. В данном ключе мотив встречи со Христом тесно связан с мотивом возвращения домой, обретением России, что происходит в сакральном богослужебном топосе Всенощной.

Возникновение данного мотивного комплекса тесно сопряжено с библейским контекстом — автор обращается к 21-й главе Евангелия от Иоанна, в которой Христос беседует со своими учениками, обращаясь к ним «дети». На символическом уровне обращение Спасителя к ученикам следует воспринимать как адресованное обитателям приюта — дома при дороге, который в момент чтения Писания наполняется Божественным присутствием. Значимость мотива «дом при дороге» усиливается благодаря его троекратному упоминанию во время чтения Евангелия: «Он (Христос. — *И.Л.*) — здесь, в этой комнате, при дороге, — Храме. Ибо песнопение превратилось в Слово, в Бога-Слово» [6, с. 47] / «И это почувствовали *они* (курсив автора. — *И.Л.*), тихие песнопевцы наши. И пели — самому Христу, явившемуся здесь детям, при дороге, в чужом Шавиле» [6, с. 47] / «Говорил обездоленным русским детям, в комнате неведомого дома, у дороги» (там же).

Троичность в данном контексте обладает важной символикой: именно в приведенной Евангельской главе упоминается о вопросе, троекратно заданном апостолу Петру Спасителем: «Симоне Ионин! Любишь ли ты Меня» (Ин. 15–17). Следует отметить, что и встреча уже воскресшего Христа с учениками происходит в открытом пространстве «при дороге» на берегу Тивериадского моря.

Таким образом, Евангельское слово, прозвучавшее во время Всенощного бдения, становится своеобразным призывом-испытанием, обращенным к присутствующим (в первую очередь к детям), направленным на выявление их готовности следовать за Спасителем, а молитвенные песнопения, исполняемые от лица собравшихся квартетом Кедрова, — своеобразным ответом на этот призыв.

В рассказе неоднократно цитируются молитвенные песнопения, включенные в богослужение, в которых ключевую роль играет образ света. Речь идет о гимне «Свете Тихий...» и Великом славословии, предваряющемся возгласом священника «Слава Тебе, показавшему нам свет».

Как отмечает Т.И. Радомская, «феномен Света — это особый художественный образ, соотносящийся со своей идеальной сущностью (ноуменом), явленный в

неразрывной антиномии материального и идеального» [9, с. 175]. Ссылаясь на богословские трактовки данного образа, литературовед отмечает, что Свет обладает качеством сакральности. Он «способен защищать своим покровом и объединять земное пространство, но это объединение вокруг источника Света является и предстает в разных качествах в своем художественном воплощении» [9, с. 176].

Возвращаясь к рассказу, следует отметить, что в нем своеобразным символом незримой связи между детьми эмигрантской России и Небесным Отечеством, образ которого намечается в начале произведения, становится икона святителя Николая, считающегося в народе покровителем путешествующих. Темный образ освещается неярким светом: «Теплится зеленоватая лампа. Ночная, грустная» (там же). Очевидно, что созданная автором атмосфера игры света и тени подчеркивает особый эмоциональный настрой собравшихся, сочетающий в себе печаль по Родине и надежду на милосердие Бога.

Во время ожидания богослужения, а затем и в течение Всенощной рассказчик фиксирует внимание на игре света и тени, которая происходит как в пространстве временного храма, так и за его пределами. При этом и искусственный свет, и тьма внешнего мира носят удручающий, враждебный характер, а свет лампы, пробивающийся сквозь сумрак комнаты, обладает, напротив, исцеляющей, воскрешающей символикой: «За черными, словно сажей вымазанными окнами, сверкают в грохоте поезда Париж-Версаль. Вздрагивает огонек в лампаде, единственный здесь живой» [6, с. 44].

Святитель Николай в данном контексте воспринимается как покровитель и защитник путников, блуждающих по бездорожью, которое в богослужебном хронотопе преодолевается и трансформируется в образ истинного пути и соотносится с понятием Промысла Божьего: «Дороги, одни дороги, — бездорожье. И все в дороге. Бездомные» [6, с. 45] / «И Никола — с вами. В дороге, всегда в дороге. Ведет. И — доведет» [6, с. 46]. Обращает на себя внимание фраза «в дороге, всегда в дороге», которая повторяется дважды, обладая функцией рефрена. В это же время наблюдается контраст: в первом случае образ дороги сочетается с понятиями «бездорожье», «бездомность»; во втором — возникает мотив обретения дома в его метафизическом значении.

В рассказе используется прием расширения пространства. Богослужение выходит за пределы конкретной локации — дома при дороге — и в сознании автора приобретает вселенский масштаб: «Всенощная идет, идет... Стою в уголку зажмурясь. Идет всенощная. Россия... В Москве, в соборе... В Новгороде... Владимиро-Суздаль... Киев?» [6, с. 45]. При этом очевиден контраст: темный угол, в котором физически пребывает рассказчик, становится частью православного мира. Наконец православная вселенная постепенно утрачивает связь с конкретными земными локациями. В пространстве Всенощной образ «далекой Москвы» превращается в нечто «далекое», включающее в себя не только пространственные, но и временные характеристики: прошлое, настоящее и, возможно, будущее, под которым понимается преодоление духовного бездорожья и обретение дома в сакральном значении этого слова — Небесного Царства: «Всенощная идет. Далекая Москва. Далекое...» [6, с. 45].

В рассказе писателя рубежа XX–XXI вв. В.Н. Лялина «Рождество Христова на разъезде 809» проявляются близкие И.С. Шмелеву мотивы дороги и бездорожья, утраты, поиска и обретения дома. Образ дома воспринимается

автором также в сакрально-православном контексте, что, безусловно, связано с установкой на христоцентризм. На это указывает заглавие произведения, в котором, как и у И.С. Шмелева, упоминается имя Христа. В первом случае оно соотносится с богослужебным контекстом, во втором — сделан акцент на богослужебно-календарном. В произведении «Христова Всенощная» изображенное богослужение не соотносится с конкретной датой церковного календаря. В рассказе В.Н. Лялина упоминаются как сам праздник Рождества, так и предваряющие его значимые церковные даты.

Ключевыми характеристиками центрального персонажа — путевого обходчика Петра — становятся *бесприютность, одиночество, обездоленность, потеря семьи, социальное и духовное сиротство*: «Когда-то была у меня и семья, но в голодные послевоенные годы Бог всех прибрал. Один за другим все ушли в лучший мир от голода и болезней. Хорошо бы и мне вслед за ними, но Господь рассудил по-своему, и я остался жить одиноким бобылем» [10, с. 81].

Как и в рассказе И.С. Шмелева «Христова Всенощная», в произведении В.Н. Лялина возникает образ дома при дороге, который соответствует представлениям о временном пристанище, способном лишь отчасти защитить его обитателей от враждебного внешнего мира. При этом акцент в обоих рассказах делается на железной дороге, которая по-разному изображается обоими авторами. У И.С. Шмелева этот образ носит более абстрактный и в то же время зловещий характер, становясь важнейшим атрибутом внешнего бесприютного мира, своеобразного духовного «бездорожья». У В.Н. Лялина данный образ обладает более конкретным предметным наполнением: рассказчик живет в непосредственной близости от железной дороги, служит путевым обходчиком, ежедневно наблюдает за движением поездов, которое регламентирует его жизнь, определяет ее ритм: «Было слышно, как, стуча по рельсам, мимо пронесся восьмичасовой экспресс, где были еще видны красные огоньки последнего вагона и тянулись вихри легко взметнувшегося снега» [10, с. 80]. Появление экспресса воспринимается рассказчиком в контексте определенных суточных отрезков, соотносится с представлениями о времени, регулирует бытовую сторону его существования. Противопоставление технократического и природного начал также играет важную роль в восприятии этого образа (движение поезда вздымает снег).

Важную роль в произведении играет мотив одиночества. Отношение к одиночеству в рассказе носит амбивалентный характер: оно существует лишь на бытовом или пространственном уровнях, отчасти затрагивает сакрально-религиозный, но в конечном итоге преодолевается. В сознании рассказчика чувство страха продиктовано как вполне обыденными моментами (волки в лесу), так и явлениями метафизического порядка («Особенно в этой русской лесной пустыне бесов-то полным-располно» [10, с. 84]). В данном случае очевидно соотношение героя с древними подвижниками благочестия (Сергием Радонежским и Серафимом Саровским), испытывающими, согласно житийным текстам, искушения со стороны темных сил.

Наряду с этим дом при дороге становится своеобразным домом молитвы, что позволяет провести аналогию с рассказом И.С. Шмелева, где комната детского приюта символически была соотнесена с походным храмом. Молитва формирует особое духовное пространство дома при дороге, в котором пребывает Петр: «Акафист почитаешь Пресвятой Богородице или Иисусу

Сладчайшему, а без того здесь можно было бы спиться или умом тронуться. Потому что без Бога человек как бы в одиночестве пребывает. А раз так, то с ним самое худое может приключиться» [10, с. 84]. Здесь же в очередной раз указывается на амбивалентный характер представлений об одиночестве. С одной стороны, как видно из приведенной выше цитаты, оно носит разрушительный характер, с другой — воспринимается как «ступень к познанию Бога» [10, с. 85]. В этом смысле образ дома воспринимается в христоцентричном ключе, а его обитатели становятся учениками Христа, его детьми. Данный мотив сближает исследуемые произведения И.С. Шмелева и В.Н. Лялина.

Как было отмечено выше, в рассказе делается акцент на православном календаре, который во многом регламентирует жизнь путевого обходчика. Упоминание каждого праздничного события соотносится с сочетанием бытового, природного и сакрального векторов, придающих особую характеристику образу дома при дороге. Как и у Шмелева, в рассказе В.Н. Лялина особым образом обозначается мотив игры света и тени. Так, Филипповки — заговение в преддверии Рождественского поста — изображаются в атмосфере полумрака: «В моем жилище, домике путевого обходчика, свет только в кухоньке, где, треща сосновыми поленьями, жарко топится плита...» [10, с. 80]. Бытовой контекст связан с приготовлением постной пищи, природный — со снежными вихрями, поднятыми в результате движения поезда, сакральный — с молитвой.

Календарный контекст расширяется за счет обращения к празднику Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Здесь наблюдается усиление акцента на природную символику, возникает мотив предутренней тьмы наряду с доминантой белого — цвет снега: «...на дворе непогода, ветер наматывает сугробы, завивает лентой снега, и его порывы все более и более крепчают. Опять слышу, как в предутренней тьме, подавая гудки, прошел снегоочиститель» [10, с. 85]. Очевидно, что сочетание природного и бытового (связанного с мотивами дороги, бездорожья, бесприютности и вечного движения) является одной из характерных черт поэтики В.Н. Лялина.

Следующий этап, позволяющий более глубоко осмыслить календарный контекст произведения, — это обращение автора к празднику Николая Чудотворца (в народе — Никола зимний). Акцент делается на световой символике, тесно взаимосвязанной с природным контекстом: «День был солнечный, морозный, снег так и искрился на солнце...» [10, с. 86].

В праздник Рождества и в предшествующий ему Сочельник акцент на световой символике усиливается; свет наполняет все пространство произведения. Источником его становятся как зажженные лампы в доме путевого обходчика, так и природа: «День обещал быть солнечным и морозным» [10, с. 88]. Светом наполнено сновидение рассказчика, ставшее для него своеобразным откровением накануне праздника: «Как будто темный лес раздвинулся, рельсовый путь стал широким, и с восходом солнца медленно движется по рельсам большая каменная церковь. Крест так и сияет на солнце...» [10, с. 87].

В приведенном фрагменте текста раскрываются идея борьбы тьмы и света и победа последнего, что может быть рассмотрено не столько в природном, сколько в сакральном контексте. Свет в данном случае символизирует родившегося Христа, что соотносится с текстом Великого славословия, на котором был сделан акцент в произведении И.С. Шмелева «Христова Всенощная».

Сон, оказавшийся вещим для путевого обходчика, предваряет кульминационное событие рассказа — неожиданное появление поезда-храма на железной дороге. Здесь также делается акцент на световой и цветовой символике: «На разъезде, сияя золотым крестом, стояла белая церковь» [10, с. 88]. Погружаясь в литургическое время и пространство, рассказчик ощущает, как физический свет, проявляющийся во внешнем мире, становится для него внутренним, способствует духовному преображению: «После причастия я осознал, что Сам Христос вошел в меня, и тело мое стало легким и молодым, в груди разлилась необыкновенная теплота, а сердце билось радостно и быстро» [10, с. 89]. Таким образом, через соединение с Христом в литургическом пространстве дорожного храма, что раскрывается благодаря световым символам, происходит обретение Петром подлинного дома, понимаемого им как Небесное Отечество. Неслучайной в этом контексте представляется фиксация внимания на возгласе священника, предваряющем начало литургии: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков» [10, с. 89].

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что оба автора воспринимают образ дома в парадигме *«род — семья — Отечество земное — Отечество Небесное»*. Установка И.С. Шмелева и В.Н. Лялина на христоцентризм позволяют говорить о соотношении понятия «дом» с идеей встречи и соединения со Христом, что происходит через сакрально-богослужебный (литургический) хронотоп. Поиск истинного дома раскрывается в обоих произведениях через мотивы бездорожья, блуждания (в частности, блуждания во тьме), одиночества, сиротства, которые являются значимыми не столько в социальном, сколько в сакральном контексте. При этом важным значением обладает образ-символ *«дом при дороге»*, который воспринимается как временное пристанище для путников, способное дать им защиту в поисках истинного дома. Кроме того, дом при дороге становится для человека местом встречи со Христом, на что указывают в первую очередь Евангельский контекст и тексты богослужебных песнопений, в которых центральное место занимает образ света, символизирующего Христа.

Библиографический список

1. И.С. Шмелев: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. А.М. Любимудрова. — СПб.: РХГА, 2023. — 840 с.
2. Коршунова Е.А. И.С. Шмелев и его время: монография. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во РХГА, Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2023. — 252 с.
3. Осьмина Е.А. Образ дачи в произведениях И.С. Шмелева и В.А. Никифорова-Волгина // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. Сер. «Русская усадьба в мировом контексте» / Сост., отв. ред. и авт. предисл. О.А. Богданова. — М., 2020. — С. 246–254.
4. Бойко С.С. Книги для бессмертных: Теоцентричная проза православных писателей XX–XXI вв. — М.: РГГУ, 2021. — 341 с.
5. Леонов И.С., Корепанова В.А. Поэтика православной прозы XXI века. — М.; Ярославль: Ремдер, 2011. — 122 с.

6. Шмелев И.С. Повести и рассказы / Сост. Ю. Шигарова. — М.: Никея, 2015. — 416 с.
7. Есаулов И.А. Поэтика русского мира Ивана Шмелева // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21, № 2. — С. 7–37.
8. Радомская Т.И. В поисках утраченного: судьбы дома и их художественное воплощение в русской литературе XIX–XX вв. // Вестник Краснодарского государственного института культуры. — 2018. — № 1 (14). — С. 41.
9. Радомская Т.И. Образ света: поэтика древнерусской книжности в художественных текстах русской литературы постреволюционных десятилетий (М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак) // Вестник славянских культур. — 2021. — Т. 62. — С. 174–183.
10. Лялин В. Нечаянная радость. — М.: Сатис, 2004. — 370 с.

References

1. I.S. Shmelev: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost., vstup. stat'ja, komment. A.M. Ljubomudrova. — SPb.: RHGA, 2023. — 840 s.
2. Korshunova E.A. I.S. Shmelev i ego vremja: Monografija. — 2-e izd. — SPb.: Izd-vo RHGA, Dom russkogo zarubezh'ja imeni A. Solzhenicyna, 2023. — 252 s.
3. Os'mina E.A. Obraz dachi v proizvedenijah I.S. Shmeleva i V.A. Nikiforova-Volgina // Russkaja usad'ba i Evropa: diahronija, nostal'gija, universalizm: Kollektivnaja monografija. Ser. "Russkaja usad'ba v mirovom kontekste" / Sostavitel', otv. redaktor i avtor predislovija O.A. Bogdanova. — M., 2020. — S. 246–254.
4. Bojko S.S. Knigi dlja bessmertnyh: Teocentrichnaja proza pravoslavnyh pisatelej XX–XXI vv. — M.: RGGU, 2021. — 341 s.
5. Leonov I.S., Korepanova V.A. Pojetika pravoslavnoj prozy XXI veka. — M.; Jaroslavl': Remder, 2011. — 122 s.
6. Shmelev I.S. Povesti i rasskazy / Sost. Ju. Shigarova. — M.: Nikeja, 2015. — 416 s.
7. Esaulov I.A. Pojetika russkogo mira Ivana Shmeljova // Problemy istoricheskoy pojetiki. — 2023. — Т. 21, № 2. — С. 7–37.
8. Radomskaja T.I. V poiskah utrachennogo: sud'by doma i ih hudozhestvennoe voploshhenie v russkoj literature XIX–XX vv. // Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. — 2018. — № 1 (14) — С. 41.
9. Radomskaja T.I. Obraz sveta: pojetika drevnerusskoj knizhnosti v hudozhestvennyh tekstah russkoj literatury postrevoljucionnyh desjatiletij (M. Cvetaeva, O. Mandel'shtam, A. Ahmatova, B. Pasternak) // Vestnik slavyanskikh kul'tur. — 2021. — Т. 62. — С. 174–183.
10. Ljalin V. Nechajannaja radost'. — M.: Satis, 2004. — 370 s.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665>; F.M. Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities.